

Хвоцинская Елена Юрьевна

**Воспоминания Елены Юрьевны
Хвоцинской**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Е50

Е50 **Елена Юрьевна Х.**
Воспоминания Елены Юрьевны Хвоцинской / Хвоцинская Елена Юрьевна – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 161 с.

ISBN 978-5-521-29043-7

ISBN 978-5-521-29043-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

Нѣтъ десять тому назадъ, у меня зародилась мысль разсказать подробно о жизни моей матери княгини Екатерины Николаевны Голицыной и моей двоюродной бабушки Татьяны Борисовны Потемкиной.—Тогда я начала припоминать все, что знала о нихъ и рѣшилась писать воспоминавія о дорогомъ для меня прошломъ.

Въ моемъ разсказѣ не малую долю займетъ память о моемъ отцѣ, который былъ извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границей своимъ перомъ и музыкальнымъ талантомъ.

О тѣхъ же людяхъ, которые доброй памяти не стоятъ, я буду говорить вскользь или совсѣмъ умолчу. Можетъ быть это будетъ большой пробѣлъ въ моихъ воспоминавіяхъ, можетъ быть это будетъ «картина, нарисованная бѣлыми красками на свѣтломъ фонѣ», но такъ какъ я предпочла бы поднять жемчужину съ чистаго пола, а не искать ее въ грязи и сорѣ—такъ и въ настоящій моментъ мнѣ пріятнѣе будить въ памяти образы хорошихъ людей... Это не мѣшаетъ мнѣ быть правдивой, не идеализировать близкихъ моему сердцу и не отступать отъ истины.

Уяснивъ цѣль моихъ воспоминавій, я прошу читателей не удивляться, если характеръ ихъ покажется слишкомъ интимнымъ; но я писала ихъ для дѣтей, не думая отдавать въ печать. Когда же я читала ихъ моей матери, отъ которой узнавала многіе подробности и факты описываемаго времени, она говорила мнѣ: «послѣ моей смерти ты можешь напечатать свои воспоминавія—или ты опровергнешь много лжи, которую распускали въ обществѣ о твоёмъ отцѣ, въ чемъ онъ самъ часто

бывалъ виновать, выдумывая на себя разныя небылицы для потѣхи публики». Одобреніе матери, конечно, мнѣ было дорого, возстановить правду о моемъ отцѣ я считала своимъ долгомъ, и зародившаяся мысль, что не однимъ моимъ дѣтямъ интересно будетъ познакомиться съ лицами и событіями моего времени, побудили меня предложить эти записки вниманію читателей.

I.

Прабабушка М. Д. Дунина. — флигель-адъютантъ Бенксендорфъ и его жевитьба. — Генералъ Курисъ, зять М. Д. Дуниной. — Моя мать. — Мой отецъ князь Юрій Николаовичъ Голицынъ.

Мать моя родилась и выросла въ селѣ Водолагахъ ¹⁾ Харьковской губерніи. Родители ея были люди очень богатые и жили патриархально въ многочисленной семьѣ.

Бабушка моей матери, генеральша Марія Дмитріевна Дунина, рожденная Норова, была очень выдающейся женщиной по уму, образованію, характеру и добротѣ. Она была фрейлиной при дворѣ императрицы Екатерины Великой. Отецъ ея харьковскій губернаторъ извѣстенъ былъ въ своемъ округѣ глубокою набожностью и честностью; эти душевныя качества онъ передалъ своей дочери Маріи Дмитріевнѣ. Мужъ ея Иванъ Петровичъ Дунинаъ былъ генералъ-аншефъ. участвовалъ въ нѣсколькихъ войнахъ и былъ не разъ раненъ. Во время Очаковской осады и сраженія при Прагѣ жена его была съ нимъ, и генералы называли ее своею матерью. Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ цѣнили ее какъ достойную женщину и уважали какъ умную, честную жену ихъ друга генерала Дунина; всѣ любили въ ней также добрую, благотѣльную христіанку, какою она была всегда для своихъ крѣпостныхъ людей. Во вдовствѣ она прожила 46 лѣтъ. У нея было 6 дочерей и одинъ сынъ, который во время Отечественной войны былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи.

На Бородинскомъ полѣ онъ былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ арміею, и, несмотря на такое лостное назначеніе, молодой Дунинаъ не принялъ его.

— Полкъ мой идетъ въ сраженіе, и я, сынъ израненнаго генерала, долженъ быть съ полкомъ. Я адъютантъ. — послѣ сѣни.

Воля Божія была взята его: онъ былъ убитъ.

¹⁾ Село Водолаги было родовое мѣсто Дуниныхъ.

Мать его приняла эту скорбь какъ истинная христіанка и покорилась волѣ Божьей безъ ропота. Тогда всей душой привязалась она къ своимъ дочерямъ ¹⁾ и, выдавая ихъ замужъ, она не дѣлила состояніе, а всѣхъ дочерей держала при себѣ, пристроивая для того къ своему дому помѣщенія. — Она неусыпно заботилась объ ихъ благосостояніи, помогая своимъ зятьямъ и словомъ и дѣломъ. — Дочери дарили ей каждый годъ то внучатъ, то внучекъ. Внучатъ у Дуинной было 24, а правнуковъ 76. Ей было за 80 лѣтъ, когда она скончалась.

Моя мать была пятая дочь Софіи Ивановны и Николая Дмитріевича Бахметевыхъ, у которыхъ было восемь человѣкъ дѣтей. Дѣдушка мой Николай Дмитріевичъ былъ добрый, заботливый и любящій отецъ; онъ своими трудами нажилъ дѣтямъ очень хорошее состояніе, былъ прекраснымъ хозяиномъ и примѣрнымъ помѣщикомъ для своихъ крестьянъ.

Итакъ всѣ шесть сестеръ Дуинныхъ со своими дѣтьми и даже внучатами жили и воспитывались въ селѣ Водолагахъ у прабабушки Дуинной. Но кромѣ ея дѣтей у нея въ домѣ жили еще и племянницы. Одна изъ нихъ молодая вдова Бибикова, рожденная Донецъ-Захаржевская, дочь ея сестры, была любима ею какъ родная дочь. Мужъ ея былъ убитъ на войнѣ во время (кажется также) Бородинскаго сраженія. Уѣзжая изъ Водолагъ и оставляя тамъ жену свою онъ въ альбомъ прабабушекъ Дуинной написалъ слѣдующее стихотвореніе, какъ бы предчувствуя свою смерть:

Въ бой иду не унывая,
Любовь жены и Богъ со мной,
Спасу ее, Отечество спасал
И тѣмъ украсу жребій свой.

* * *

При знамѣ, если придется умирать,
Стоять я буду не робѣя
И духъ послѣдній не пускаю,
Образъ Лизы обнимать.

Павелъ Бибиковъ.

Vodology, 1800, 1 avril.

Прабабушка Дуинна была въ перепискѣ съ вдовствующей въ то время императрицей Маріей Оводоровной, и вотъ по какому поводу она однажды написала ей: въ Харьковъ пріѣхалъ элегантный флигель-адъютантъ Бенкендорфъ, а такъ какъ вся молодежь стекалась у прабабушки, то и онъ не замедлилъ представиться ей. Красивая молодая вдова Бибикова приглянулась ему — онъ сталъ за ней ухаживать. Прабабушка сначала смотрѣла одобрительно на это ухаживанье думая, что

¹⁾ Дочери прабабушки Дуинной были: графиня Елена Синверсъ, Софія Бахметева, генеральша Курисъ, Евдокія Черепанова, баронесса Варвара Пилларъ и Марія Гревель.

оно кончится предложеніемъ и партія эта для любимой племянницы ей улыбалась, но увидѣвъ, что молодой человѣкъ ухаживаетъ для препровожденія времени, а молодая вдова заинтересовалась имъ — прабабушка стала тревожиться. Не долго думая она написала императрицѣ письмо, спрашивая о личности Бенкендорфа и достоинствъ ли онъ, чтобы вручить ему судьбу своей любимой племянницы. Государыня съ лестнымъ отзывомъ о Бенкендорфѣ прислала образъ, которымъ прабабушка, неожиданно для молодого ухаживателя, благословила его и племянницу свою отъ имени государыни.

Къ счастью, устроивъ ловко и умно, но сюррипзомъ, судьбу молодыхъ людей, впоследствии на ей, на имъ не пришлось раскисаться, такъ какъ супруги были счастливы.

Домъ Маріи Дмитриевны Дуниной былъ въ такомъ почетѣ, что всякій считалъ за счастье бывать у ней, а тѣмъ болѣе породниться съ нею. Доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій фактъ: одна изъ шести дочерей ея, а именно третья, была хотя и красива, но имѣла горбъ сзади и спереди. Прабабушка держалась правила выдавать дочерей въ замужество по старшинству. Настала очередь горбатой ея дочери: прѣзжаетъ вдовецъ генералъ Курнсъ сватать одну изъ ея дочерей, но не о той думалъ онъ, которая стояла на очереди...

У сестеръ Дуниныхъ было общее черное бархатное платье, отдѣланное гирляндами изъ розъ и въ которомъ онѣ представлялись являющимся женихамъ. И вотъ нарядили бѣдную горбатенькую въ это платье, вывели къ старому генералу, и прабабушка, подводя ее къ нему, сказала: «Вотъ тебѣ невѣста». Онъ смутился и скромно сказалъ, что «не эта ему нравится, а другая... Авдотья Ивановна»...

Прабабушка, въ сколько не смутившись, отвѣтила ему серьезно:

— Нѣтъ, старина, для тебя и эта хороша, а та и лучше тебя найдетъ! Если хочешь быть моимъ зятемъ, то бери и эту.

Генералъ женился; былъ счастливъ, и жена была прекрасной мачихой для его дѣтей.

Въ домѣ М. Д. Дуниной всегда царилъ порядокъ, миръ, тишина и любовь. Конечно, такая громадная семья держалась и управлялась ея твердой рукой и добрымъ сердцемъ.

Когда императоръ Александръ I посетилъ однажды прабабушку Дунину и увидавъ за обѣдомъ всю ея большую семью въ сборѣ, выразилъ удивленіе какъ можетъ она заботиться о такомъ количествѣ дѣтей, — прабабушка отвѣчала государю:

-- Aux petits des oiseaux Dieu donne leur pâture. ¹⁾

Въ сочиненіяхъ архіепископа Филарета Харьковскаго есть пре-

¹⁾ Богъ кормитъ птичекъ и ихъ птичкиновъ.

красное слово, сказанное имъ при погребеніи прабабушки. Онъ такъ живо, такъ сердечно говоритъ объ этой необыкновенной женщинѣ, ставя ее въ примѣръ женамъ и матерямъ. Этимъ словомъ онъ почтилъ память прабабушки, утѣшилъ дѣтей и внучатъ ся и не могъ не возбудить во многихъ желаніе походить на ту, которую эта большая семья любила, уважала и съ ея кончиной чувствовала себя болѣе чѣмъ осиротѣвшей. Съ кончиной ея Водозаги раздѣлили, и они опустили...

Веселья тамъ было не мало, садилось за столъ не менѣе сорока чело-вѣкъ. Маленькіе внучата всѣ жили круглый годъ у своей бабушки, съ кормилицами, няньками и гувернантками въ селѣ Водозагахъ, находящемся въ 50-ти верстахъ отъ Харькова; а тѣ внучата, которые подро-стали, и взрослые ѣздили на зиму въ Харьковъ съ родителями, гдѣ также былъ большой общій домъ. Нѣкоторыхъ отвозили туда, чтобы кончать образованіе, а другихъ веселиться и выѣзжать.

Дѣвицы Бахметевы были всѣ очень красивы, но лучше всѣхъ го-ворятъ были тетя моя, Елена Николаевна Бордаева, и моя мать. Мамѣ была не большого роста, миниатюрнаго сложенія, съ темнорусой головкой, правильными чертами лица, очень темными бровями, большими задум-чивыми сѣрыми глазами и прелестными зубками.

Несмотря на свою красоту она считала себя очень некрасивой, что еще болѣе придавало ей прелести, такъ какъ она олицетворяла собою скромность.

Такое мнѣніе пріобрѣла она о себѣ вслѣдствіе того, что въ семьѣ у нихъ были любимцы и любимцы; а такъ какъ она была изъ числа не любимыхъ «сандриліонокъ», то въ ней находили все некрасиво. Разъ даже одна изъ тетушекъ ея, не допуская естественный темный цвѣтъ ея бровей, подозвала къ себѣ и строго сказала: «что это ты, ма-тушка, никакъ нафабрила себѣ брови?» и попросту, безъ затѣй, послю-навливъ носовой платокъ, стала тереть ихъ...

У бабушки же Софіи Ивановны были фаворитки: старшая дочь Надежда и предпоследняя — Софія. Между моей матерью и Софіей Ни-колаевной былъ одинъ годъ разницы въ лѣтахъ, такъ что онѣ вмѣстѣ учились и вмѣстѣ выѣзжали.

Несмотря на предпочтеніе и баловство, которымъ окружали тетю Софію Николаевну, это не испортило добрыхъ и дружескихъ отношеній сестеръ. Это доказываетъ, на сколько онѣ были обѣ хорошія и добрыя: одна не пользовалась своимъ правамъ баловницы, а другая не завиды-вала, и предпочтеніе, отдаваемое сестрѣ, принимала какъ вещь естествен-ную и не называла это несправедливостью. Да, въ тѣ счастливые и разумные во многихъ отношеніяхъ время—имя отца и матери было свя-щенно! тогда дѣти не только не смѣли обвинять поступки родителей, но помыслить даже о разборѣ ихъ дѣйствій никто не смѣлъ.

И такъ, мать моя, привыкшая получать все хуже всѣхъ и послѣ всѣхъ, такъ сроднилась съ той мыслью, что она должна думать обо всѣхъ, а о ней могутъ и забыть, что даже въ мелочахъ обыденной жизни, какъ напримѣръ: когда молодежь ходила собирать ягоды, она лучшую никогда не стѣдала, а всегда послѣ нее кому нибудь изъ любимыхъ своихъ родственниковъ. Эгоизма въ ней не было ни капли—она всегда забывала себя для другихъ.

Любимый цвѣтокъ ея былъ фіалка, и она своею скромностью олицетворяла этотъ предестинный цвѣтокъ, прихученный за спон листочки: девизъ ея былъ: «*pour être heureux vivons cachés*» ¹⁾).

Вставала она съ восходомъ солнца для того, чтобы готовить заданные ей уроки. и отправлялась въ садъ, гдѣ усердно занималась ими; прислуга, любившая ее за доброту и кротость, дала ей названье: «наша милая ранняя птичка». Если кому нибудь изъ прислуги нужно было рано встать для какого либо экстреннаго дѣла, или дѣтямъ для приготовления уроковъ, то всегда поручали будить ихъ «ранней птичкѣ», такъ какъ она никогда не просыпала часа, который былъ нуженъ.

Учителя и гувернантки у внучатъ прабабушки Дувиной были иностранцы, и преобладающій языкъ въ семьѣ былъ французскій, такъ что когда дѣти говорили по-русски, гувернантки въ наказанье привязывали имъ на грудь красные языки. Уроки же русскаго языка были въ полномъ забвеніи, и мать моя по все время своего ученья взяла только семь уроковъ роднаго языка и то у священника малоросса, который вмѣсто пяти говорилъ «пять» и вмѣсто пятницы говорилъ «пятница» и, вѣроятно, такъ-же писалъ. Она любила заниматься рукодѣліемъ и усердно работала не только для себя, но съ удовольствіемъ помогала другимъ и часто доканчивала начатия и брошенные работы своихъ сестеръ—баловницъ.

Гувернантки иностранки строго слѣдили за нравственностью, скромностью, хорошими манерами и разговоромъ своихъ воспитанницъ. но иногда отъ слишкомъ большаго усердія онѣ не отличали хорошихъ чувствъ отъ дурныхъ.

Вотъ случай, характеризующій то время, въ которое скромность и стыдливость оберегались въ дѣтяхъ въ ущербъ даже естественнымъ хорошимъ побужденіямъ ребенка.

У одной изъ старшихъ кузинъ матери, М. К. Мухановой, рожденной графини Сиверсъ, родился сынъ, и когда дѣтей допустили посмотреть новорожденнаго, они съ любопытствомъ бросились въ дѣтскую на графскую половину (такъ называлась одна часть дома, занимаемая графиней Сиверсъ и ея семьей). Между дѣтьми была и моя мать; она съ

¹⁾ Для того, чтобы быть счастливымъ нужно прятаться отъ свѣта.

интересомъ изглянула на красиваго черноглазаго мальчика, лежавшаго на рукахъ некрасивой кормилицы, и воскликнула:

— Ахъ! если бы у меня былъ такой прелестный ребенокъ — я ни за что не отдала бы кормить его чужой бабѣ.

— А что бы ты сдѣлала?—спросили другія дѣти.

— И бы сама его кормила,—отвѣтила она.

Гувернантка вскрикнула отъ удивленія, услыхавъ изъ устъ десяти-лѣтней дѣвочки подобныя, по ея мнѣнію, нескромныя желанія, строго посмотрѣла на нее, поспѣшно вывела виновницу ея ужаса и всѣхъ дѣтей изъ дѣтской и черезъ нѣсколько минутъ наказала ее слѣдующимъ образомъ: нарядила бѣдную дѣвочку въ сарафанъ кормилицы, повязала ее платкомъ, подвязала подушку для того, чтобы придать болѣе сходства съ кормилицей, и, посадивъ въ позу кормилицы ребенка, дала въ руки куклу, приглашая всѣхъ смотрѣть на наказанную и всю въ слезахъ свою воспитанницу. Это было настоящее горе для стыдливой, застѣнчивой дѣвочки, надъ которой такъ жестоко и несправедливо по-смѣялись!

Мать моя рассказывала мнѣ, что она такъ мучилась, думая, что на самомъ дѣлѣ сдѣлала какое-то ужасное преступленіе, такъ ей было стыдно изображать кормилицу и такъ боялась она, что приведутъ и бабушку Душину посмотрѣть на нее. Но къ сожалѣнію, бабушку-то и не привели, и она не узнала объ этомъ, а то, вѣроятно, она не похвалила бы за подобное глупое, неумѣстное наказаніе блюстительницу нравственности.

Такъ какъ прабабушка Марія Дмитріевна была очень богомольна, то она пріучала всю свою семью молиться Богу. Мать моя была восторженная, увлекающаяся, и всею молодой душой своей полюбила Бога и такъ усердно молилась, что не пропускала ни одной службы; по этому поводу одна старушка, Марія Алексѣевна, видя въ ней такое духовное возбужденіе и боясь, что оно остынетъ, гонорила ей: «Другъ мой, Катя! твои молитвы хороши и угодны Богу, но не пересаливай—хорошо идти вверхъ по лѣсенкѣ, а не спускаться внизъ.....» Простые и разумные эти слова мать нерѣдко въ послѣдствіи вспоминала, когда ей казалось, что она не такъ усердно молится и не такъ любитъ Бога, какъ бы должна была Его любить и какъ любила прежде въ молодые годы.

Водолажская молодежь часто ходила пѣшкомъ на богомолье, и самая ретивая на подобныя экскурсіи была моя мать. Не рѣдко она бывала въ Кіевѣ у сестры своей Елены Николаевны Вердяевой, о которой я въ послѣдствіи буду говорить—это также была дивной души женщина, проживши жизнь свою какъ праведница. Въ Кіевѣ объ сестры часто посѣщали схимника отца Паренія, извѣстнаго своей святою жизнью.

Одно время мать возмечтала поступить въ монастырь и передала свое желаніе схимнику, прося благословить ее на этотъ путь, но онъ сказалъ: «Теперь не слѣдуетъ — ни тогда, когда сама Матерь Божія поведетъ тебя за руку».

Отецъ мой, князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, былъ богато одаренъ какъ душевными и умиственными, такъ и физическими качествами. Онъ походилъ на русскаго богатыря, нигдѣ не проходилъ не замѣченнымъ, и даже въ толпѣ всегда обращалъ на себя общее вниманіе какъ своей красотой, ростомъ, такъ и благородной осанкой. Душа его была полна разнородныхъ чувствъ: добро и зло боролись въ немъ жестоко! Въ каждомъ человѣкѣ та же борьба, но она мелка и безамѣтна; въ его же мощной натурѣ всѣ чувства, всѣ порывы души выходили изъ обыденныхъ рамокъ, и вслѣдствію этого жизнь его была переполнена приключеній, бросающихся въ глаза. Стихотвореніе графа Алексѣя Толстаго совершенно его олицетворяетъ:

„Коль любить—такъ безъ разсудка,
Коль гровить—такъ не на шутку,
Коль ругнуть—такъ сгоряча,
Коль рубить—такъ ужъ съ плеча,
Коль спорить—такъ ужъ смѣло,
Коль казнить—такъ ужъ на дѣло,
Коль простить—такъ всею душой,
Коль мить—такъ широю горой...“

Отецъ мой рано потерялъ свою мать, а мой дѣдушка мало, или лучше сказать, совсѣмъ не заботился о своемъ сынѣ. Это сиротство, безалаберное воспитаніе, строгость и чрезмѣрное, иногда, бѣловство повліяли на пылкую натуру мальчика: у него выработался своевольный, необузданный, страшно вспыльчивый характеръ, но доброе сердце, прямота и великодушіе всегда привлекали къ нему и заставляли его любить и уважать.

Онъ часто страдалъ своими недостатками и постоянно бывалъ ихъ жертвой. Отца можно было сравнить съ молодымъ, горячимъ конемъ, какъ тотъ мчится къ пропасти, не сознавая ни опасности, ни гибели своей и своего сѣдока. Такъ и отецъ мой, вслѣдствіе своего пылкаго нрава, во дни ранней молодости, разбилъ свою жизнь и увлекъ на путь несчастій близкихъ его сердцу....

Своею чрезмѣрной прямою, иногда непрощенной, такъ какъ онъ не стѣснялся, говорилъ въ глаза голую правду, онъ пріобрѣталъ себѣ враговъ; не любили его и люди съ узкимъ умомъ, мелкой душой, неспособные понять такую прямую, честную натуру, и люди, завидующіе его превосходству и удачамъ. Но за то друзья его, а ихъ было не мало,

горячо любили и цѣнили сердечнаго, умнаго, честнаго, правдиваго «Юрку Голицына» — какъ его всѣ называли ¹⁾).

Отецъ мой много дѣлалъ добра, и одна изъ симпатичныхъ чертъ его характера была та, что онъ не хвастался своими добрыми дѣлами; свои же недостатки и ошибки не скрывалъ и, сознавая ихъ, отдавалъ себя на судъ не только своихъ близкихъ, но и на судъ людской. Въ отрывкахъ изъ его воспоминаній, которыхъ онъ не кончилъ, ясно выказывается его прямая натура. Эти воспоминанія были напечатаны, не задолго до его смерти, въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ 1869 году, подъ заглавіемъ «Прошедшее и настоящее». Обращаясь къ читателю, онъ говоритъ: «Перомъ моимъ будетъ руководить чистосердечное я, которое буду стараться выставить рельефно, во всей наготѣ, безъ малѣйшихъ прикрасъ». Онъ не только не боялся злословія, но даже часто, чтобы дать пищу лязкамъ, ради шутки, самъ рассказывалъ о себѣ самыя невозможныя небылицы, и эти сказки быстро узнавались всѣми съ большими добавленіями и прикрасами. Отчасти это черта русскаго характера того времени. Почему путешественники-французы, какъ напримѣръ Кюстинъ, писали такъ много пошлостей о Россіи? А именно потому, что русскіе, потѣшаясь надъ французами, рассказывали имъ всякіи издоръ, а они выдавали его за правду.

Такъ и теперь еще слышимъ иногда небылицы и невѣроятные анекдоты о князѣ Юріи Николаевичѣ Голицынѣ. Я считаю, что не одно описаніе не можетъ такъ ясно и рельефно показать характеръ человѣка, какъ его письма, а потому я и помѣщу въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ немногія письма отца, которыя сохранились къ его друзьямъ и ко мнѣ. Въ нѣкоторыхъ письмахъ выливается вся его пылкая, чистая, благородная душа, всѣ страданія, все горе, пережитое имъ въ его короткую, но полную дѣятельности, энергіи и силы, жизнь. Онъ умеръ 49-ти лѣтъ, въ полномъ развитіи своего музыкальнаго таланта, въ Петербургѣ, 2-го сентября 1872 года. Послѣ его кончины, въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ», была напечатана вѣрная его характеристика и оцѣнка его таланта и музыкальной дѣятельности. Въ этой же статьѣ отецъ былъ названъ «последнимъ Могиканомъ» изъ своихъ современниковъ, последнимъ честнымъ русскимъ бо я р и н о мъ-богатыремъ!

Теперь, давъ краткій очеркъ его характера, я возвращаюсь къ его ранней молодости и къ началу его службы и уходу за моею матерью.

Въ то время князь Юрій Голицынъ служилъ чиновникомъ по осо-

¹⁾ Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ однажды выразился такъ: «даже самыя недостатки у князя Юрія Николаевича Голицына болѣе симпатичны, чѣмъ достоинства у другихъ».

бымъ порученіямъ у харьковскаго генералъ-губернатора князя Николая Андреевича Долгорукова ¹⁾. Онъ былъ тогда очень молодъ. 18-ти лѣтъ и славился своимъ шалостямъ.

Должность чиновника по особымъ порученіямъ не представляла много дѣлъ, а отецъ еще болѣе упростилъ ее; такъ что разъ князь Долгоруковъ безпокоясь, что онъ ничего не дѣлаеть, замѣтилъ ему это, сказавъ: «*Mais mon chère Georges, occupez vous donc de quelques choses*» ²⁾. На другой день послѣ такого замѣчанія, отецъ купилъ большой мѣшокъ орѣховъ, отправился въ комнату рядомъ съ кабинетомъ князя Долгорукова, сѣлъ на диванъ и началъ щелкать ихъ. Въ началѣ старикъ-князь все прислушивался къ равномерному звуку, раздававшемуся рядомъ съ его кабинетомъ, и зналъ, что тамъ отецъ, крикнулъ ему:

— *Georges que faites vous donc là?* ³⁾.

— *Je m'occupe, mon prince* ⁴⁾,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Тогда старикъ, заинтересованный дѣломъ своего чиновника, всталъ посмотрѣть, и каково было его удивленіе, когда увидѣлъ шадунъ, сидѣвшаго на диванѣ съ большимъ мѣшкомъ на колѣняхъ и съ орѣхомъ въ зубахъ.

Занимаясь больше бездѣльемъ, молодой князь много выѣзжалъ въ свѣтъ и, увидѣвъ скромную, тихую, красивую Екатерину Николаевну Бахмеву, влюбился въ нее и рѣшилъ, что она будетъ его женой.

Но препятствій для достиженія этой цѣли ему предстояло много— онъ это видѣлъ, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ горячѣе была его любовь, тѣмъ онъ крѣпче держался за свою мечту, тѣмъ настойчивѣе старался удалить препятствія. Несмотря на то, что онъ былъ завидная партія, какъ по состоянію, такъ и по фамиліи, но его молодость и репутація шадунъ пугали благоразумныхъ родителей и невѣсть. Помогъ ему его умъ, который не шелъ въ разрѣзъ съ его привлекательной наружностью. Планъ былъ задуманъ и исполненъ: онъ покорилъ сердца бабушекъ и тетюшекъ, которыя оказались въ послѣдствіи лучшими его адвокатами. Прежде всего онъ счелъ нужнымъ, конечно, покорить прабабушку Дунину и, чтобъ заинтересовать ее собою (она его не знала), въ одно прекрасное утро, въ воскресенье, зимою, отправился въ Водолаги, прямо къ обѣднѣ, и тамъ, молясь за исполненіе своей мечты, поклялся, что та, которую онъ полюбилъ, будетъ его женой!

Послѣ обѣдни онъ зашелъ къ управляющему, напился чаю и

¹⁾ Братъ дяди отца моего, князь Илья Андреевича, женатаго на княжнѣ Салтыковой, родной его теткѣ.

²⁾ Дорогой Юрій, займись же чѣмъ-нибудь!

³⁾ Юрій, что же ты тамъ дѣлаешь?

⁴⁾ Я занимаюсь, князь!